

Андрей Пральников, нечистая сила и проклятый Чернобыль

Лично с А. Пральниковым я, к сожалению, не знаком. Хотя... судя по «Грязной кормушке» («Мегаполис-Экспресс» № 17, 1991 г.), однажды я излагал ему свое понимание событий, происходящих в 30-км зоне ЧАЭС. Правда, при ближайшем рассмотрении наша «беседа» оказалась довольно точным пересказом фрагментов моей статьи в «Вестнике Чернобыля», но я не в претензии, чего не скажешь о сотрудниках «Вестника».

Что же до сути, то в «Грязной кормушке» затронуты реальные проблемы ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы и развития атомной энергетики. Именно затронуты, поскольку из-за чрезвычайной сложности этих проблем писать о них нужно очень много. Можно было ожидать, что в дальнейшем А. Пральников будет копать глубже.

Но с ним произошло то, что происходит с большинством пишущих на чернобыльские темы: когда проблема, казалось бы, определена и остается со знанием дела разрабатывать ее, вдруг следует уход в несущественные частности, политикамство, мистику и т. д. Примером может служить один сюжет чернобыльского телемарафона 1990 г.: женщина доит коров, над которыми прибиты таблички с их кличками — Альфа, Бета, Гамма. Смысл кадра: вот до чего довели бедных крестьян, у них уже христианских имен для животных не находится. В действительности съемка велась в экспериментальной лаборатории отдела радиологии и рекультикации научнотехнического центра в Чернобыльской зоне. Подлинные проблемы сельхозрадиологии, интересные и во многом парадоксальные, остались за кадром. Конечно, если не разжалобить крутых спонсоров... Воистину, нет больших лжецов, чем очевидцы.

Но вернемся к А. Пральникову, его статье «Смерть в рассорочку» («ВЧ» № 91, 1991 г.). Во многом можно согласиться с автором, вместе с ним негодовать и требовать ответа на поставленные вопросы. Но вообще-то видно, что А. Пральников так и не собрался «копать глубже». Конечно, ругать атомщиков проще, особенно с высот современного опыта. Но почему бы не разобраться в обстановке, в которой они действовали, в факторах, ограничивающих свободу их выбора? Неужели мы по сей день расхлебываем последствия реализации советской атомной программы только потому, что у Курчатова, Харитона и тысяч других атомщиков были скверные характеры?

Мне представляется, что, стремясь к стратегическому паритету, СССР попал в своеобразную ловушку; не имея атомного оружия и, следовательно, атомной промышленности было немудрено, а получить все это он мог только варварскими методами (см. интервью директора Федерального ядерного центра России «Россия» № 41, 1992 г.). Но если вдуматься, Запад и СССР в погоне за призраком превосходства шли ноздря в ноздю. Мы загадили реку Течу и озеро Карачай, но у американцев то же произо-

шло с реками Колорадо и Саванна, а у англичан — с Ирландским морем. Аварии в Уинсуейле произошла в год взрыва «банки» с отходами на ПО «Маяк», а на Три-Майл-Айленд — задолго до Чернобыля. Можно вспомнить об испытаниях на людях некоторых факторов атомного взрыва в Точках лагеря, но англоамериканцы занимались тем же на Тихом океане и в самих Штатах.

Можно спорить о масштабах содеянного той и другой стороной, но принципиальные различия между ними начинаются только с подходов к решению возникших проблем. Катастрофа, подобная Чернобыльской, могла произойти в любой стране, имеющей реакторы. Закономерно, что она произошла у нас. Но подлинная трагедия Чернобыля — не взрыв, а то, что произошло после него. Нищета, бестолочь, агрессивное нежелание слушать специалистов, шкурничество и политикамство, все то, что А. Пральников сосредоточил в образе кувадды и атома — всего этого было сверх всякой меры. Остается открытым вопрос: в какой степени было «атомщиками» руководство ЧАЭС и ликвидаторы? Особенно в сравнении с профессиональным поведением обычных слесарей КИПиА во время аварии на ПО «Маяк»...

А. Пральников справедливо отмечает, что при современном подходе к вопросам безопасности АЭС невозможно исключить новые аварии. Нужно только уточнить, что пусть исчезающе малый, но риск аварии останется при любом подходе. Как и любом другом деле. Например, в авиации, где, конечно же, можно создать абсолютно безопасный самолет. Одно жаль — он не сможет летать.

А сейчас вслед за А. Пральниковым займемся конкретными вопросами деятельности ликвидаторов в зоне аварии. Он иронизирует по поводу «разбавления» «грязной» продукции «чистой» до безопасных концентраций. Но что значит «чистая продукция»? Только то, что концентрация радионуклидов в ней не превышает некоторый уровень, а не то, что в «чистой» продукции их совсем нет. Можно ли «грязную» продукцию довести до безопасных концентраций? Конечно, вопрос в том, где взять «чистую». А переработка молока на масло, закладываемого на длительное хранение, к чему А. Пральников относится скептически — действительно «пример рачительности». Все эти приемы были известны задолго до Чернобыля. И говорить нужно не о нравственном или нет их использовании, а о том, есть ли подходящие технологии разбавления или хранения. Но этот вопрос — не к атомщикам.

Если бы А. Пральников следовал своей логике, ему осталось бы только потребовать от атомщиков нечто вроде непорочного зачатия: дайте энергию, но чтобы при этом ни один комарик не пострадал. К сожалению, так не бывает, каждое достижение цивилизации требует определенной «цены», в том числе, увы,

и в человеческих жизнях. США в дорожно-транспортных происшествиях терпят ежегодно столько людей, сколько за всю войну в Индокитае. Но они по-прежнему убеждены, что именно автомобиль создал Америку и отнюдь не собираются отказываться от него.

История цивилизации — это в известном смысле история развития энергетики. Каждое достижение энергетики можно соотносить с определенными этапами истории человечества. Но разве в первобытном обществе, например, мало гибло людей в процессе экологической деятельности (охота, рыболовство, подсечно-огневое земледелие) и из-за слабости производительных сил (голод, стихийные бедствия)? А тогдашний уровень морали, допускаящий людоедство и уничтожение стариков? И разве деятельность первобытного человека была экологически безупречной? Урано-каспийские пески, пустыни Ближнего Востока, уничтожение лесов в Северной Африке, гибель цивилизации Мокенджо-Даро в Индии — вот только часть экологических катаклизмов древности, причиной которых была деятельность человека.

Вновь обратимся к А. Пральникову, «Во сне? В бреду? Нет, наяву» («Мегаполис-Экспресс» № 29, 1992 г.). На ЧАЭС он встречается со своим двойником, который запросто называет дозы облучения, других людей и советует ничему не удивляться. И вот мы вместе с автором статьи без удивления видим, как кошка с собакой проходит через запертую дверь припятской квартиры. А что, теоретически это возможно. Только вероятность согласования атомо-молекулярных структур собаки и двери таковы, что всего времени существования Вселенной не хватит на ожидание этого события. Но кого волнуют такие мелочи, когда по ночам в одном из домов Припяти видно голубое сияние?

Впервые об этом сиянии я услышал в январе прошлого года от тогдашнего сотрудника газеты «Эхо Чернобыля» В. Демнева. Тот, правда, был ссорен, дескать, хлопцы говорят... но указал точный адрес святыни — 16-этажка напротив Управления дозиметрического контроля. Пришлось собеседника разочаровать: ни я, ни мои знакомые, ни знакомые знакомых ничего похожего не видели и не слышали. Сказал я это — и задумался. Чертовщины и дьявольщины, конечно, нет, но опасаться их, наверное, надо...

А дальше впору озаботиться как «Не спящие бы у Припяти» («М-Э» № 37, 1992 г.) А. Пральников излагает новую версию причин аварии на ЧАЭС, предложенную Лигой независимых ученых. Трудно не спящие, читая о столь страшных и вместе с тем абсолютно непонятных видах, я не берусь повторить всю эту абракадабру, боюсь переврать. Что я понял, так это усматриваемую «независимыми учеными» связь между катастрофой на ЧАЭС и работой объекта «Чернобыль-2», который генерировал гамма-кванты, воздействовавшие на сознание операторов станции. И еще что-то лептонно-торсионное.

Несомненно, электронные устройства могут генерировать гамма-кванты. Но учитывая пробег гамма-квантов в воздухе, расстояние до ЧАЭС от Чернобыля-2, толщину железобетонных стен станции, представьте необходимую мощность потока при сходе с антенны. Лес вокруг

нее горел бы синим пламенем.

Конечно, это сомнения дилетанта. Но версия изложена настолько бессодержательно, что боюсь, и специалисту придется нелегко.

Эта гипотеза, разумеется, имеет право на существование, но она напоминает мне историю с внедрением голландской технологии производства картофеля. По отечественной технологии мы гноим сорок процентов урожая, по голландской — все семьдесят. Аналогия здесь простая: У. Оккам, английский философ и логик 14 в., выдвинул принцип, получивший название «бритва Оккама», согласию которому понятия, не поддающиеся

Андрей Пральников, нечистая сила и проклятый Чернобыль

проверке в опыте, должны быть удалены из науки.

Пока причины катастрофы на ЧАЭС можно объяснить вполне темными причинами, ее возникновение и развитие поддается опытной проверке, хотя бы математическому моделированию, другие версии только запутывают ситуацию. Трудно поверить, что «независимые ученые» не знают об этом, ведь даже фанатики-уфологи пользуются «бритвой Оккама».

И далее А. Пральников продолжает в том же духе. Рассказывает, например, о нулевом результате обработки их машины на пункте санобработки. Это еще что, в 1986 году наш автомобиль обрабатывали однажды вообще с отрицательным результатом: при выезде с ПуСО он оказался «грязнее», чем при въезде. Ничего таинственного здесь нет — либо мыли не тем, либо измеряли не так.

А. Пральников пишет о способности некоего Володи (ау-у, Володя, может быть, отклонитесь?) «распознавать высокие уровни по особому ощущению в шиколотках», о «слепых» пятнах на местности, из которых Володя не может извлечь никакой информации, о своем чудесном спасении в таком пятне в пасхальную ночь у Ильинского храма от милиции, преследовавшей его за правду о Чернобыле. Читатель волен посмеяться или оспорить утверждения А. Пральникова. Что касается его чудесного спасения, могу предложить свою версию. Дело, как мы помним, было на Пасху, и милиционеры, как добрые христиане, приняли, скажем так, праздничный ужин. И хорошо, если после него они смогли разглядеть саму Церковь.

Видимо, почувствовав, что читатели уже доведены до нервного смеха, А. Пральников возвращается к реальным проблемам конкретных людей. Его публикация в «Мегаполис-Экспресс» за прошлый год «Чернобыльцев поделити по национальному признаку» (№ 39) и «Мы б и дальше так пахали» (№ 40) представляют собой весьма редкие попытки пишущей братии осветить социально-экономические и психологические аспекты чернобыльских проблем.

О делении ликвидаторов на «чистых» и «нечистых» сказано уже достаточно. Остается только добавить, что если бы «чернобыльские» структуры действительно занимались делом, ради которого были созданы, то вожди ликвидации семьдесят семь раз подумали бы, прежде чем гнать иноземцев. Настоящих про-

фессионалов во всем СНГ не так уже много.

В связи с ликвидацией «своих» ликвидаторов интересную окраску приобретает стремление «вождей» к международному сотрудничеству. Провал затеи с деактивацией металла по швейцарской технологии почему-то не заставил их задуматься: а что, собственно, мы можем получить от Запада? Новые идеи? Но до сих пор бывшие в Чернобыле западные ученые только вежливо улыбались, дескать, ол-райт. В 1990 — 1991 гг. в зоне аварии работала целая комиссия независимых ученых. Что мы узнали от нее? Что данные советской стороны соответ-

затрат на развитие экономики и социальной инфраструктуры. Я не знаю, существуют ли какие-либо нормативы, но все побывавшие в наших атомобадах отмечают их относительное благополучие. В своем развитии они опережают окружающие территории на 10 — 15 лет, вспомните доаварийную Припять. И, возможно, вопреки утверждениям А. Пральникова, именно эвакуация является с чисто экономической точки зрения наиболее дешевым вариантом. Но представим человека, переехавшего в «чистый» район. Что ждет его? Враждебность аборигенов, скверное жилье, проблемы с трудоустройством, психологический стресс. Разве только ностальгия заставляет переселенцев возвращаться в свои дома, даже если они остались в 30-км зоне.

Думается, главным препятствием в признании этой концепции является не радиационный фактор, а вполне обоснованное сомнение государственных органов в своей способности реализовать ее. Ведь даже при наличии средств остается масса проблем — инвестиционная, ценовая и налоговая политика, перепрофилирование хозяйства, система льгот и компенсаций, различные виды мониторинга и т. д. Как решать эти проблемы руководящему люду, который только-только научился отличать кюри от рентгена?

Не в моей компетенции оценивать приемлемость 35-бэрной концепции. Давайте заглянем в Закон Украины «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы». Статья 2, п. 3 оставляют за гражданами, проживающими на территории, где эффективная эквивалентная доза облучения человека не превышает 0,5 бэр в год право выбора — оставаться или переселиться. Но 0,5 бэр в год — это и есть 35 бэр за всю жизнь (70 лет). Как быть с утверждением А. Пральникова, что «принята эта явно заказанная правительством (видимо, имеется в виду правительство СССР — авт.) не была»? В Законах России и Беларуси приняты те же критерии.

Ссылка противников концепции на пример Франции, где установлен предел дозы 7 бэр за жизнь, неубедительна. Теперь уже каждый знает, что защитные мероприятия, направленные на снижение дозы облучения, обходятся чрезвычайно дорого. И вполне мыслима ситуация, когда, израсходовав свои скудные средства на радиационную защиту, мы обредем людей на вымирание от вулгарно-дизентерии. Станем богатыми, как Франция, тогда можно будет вспомнить, что «советский человек физиологически мало чем отличается от сородичей в других странах», как справедливо замечает А. Пральников.

Сложное впечатление остается от чтения чернобыльских публикаций Андрея Пральникова. Чувствуется, что тема ему небезразлична, что разбирается он в ней лучше многих собратьев по перу. Но иногда напишет такое, что останется только руками развести. Я понимаю, «Мегаполис-Экспресс» озабочен тиражом, но в борьбе за читателей нечистая сила ныне мало поможет. Чертовщины и дьявольщины в Чернобыле хватает, но искать их нужно не там, где ищет и, если верить ему, находит А. Пральников.

Что касается меня, то на этот год я «Мегаполис» не выписал.

Михаил КОРЬШИН,
участник ЛПА на Чернобыльской АЭС.

г. Челябинск.

ствуют действительности. Вот спасибо...

Та же комиссия очень вежливо (т. е. длинно и туманно), подтвердила справедливость т. н. «35-ти бэрной концепции», в борьбе вокруг которой было сломано столько копий. У меня под рукой нет отчета комиссии, поэтому передаю смысл ее выводов своими словами: комиссия не располагает научными фактами, противоречащими данной концепции. Жаль, что его не было и у А. Пральникова, когда он писал заметку «Мы б и дальше так пахали», где рассказывает о приключениях концепции в России.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что концепция не предлагает ничего принципиально нового. Понимая, что переселение людей с загрязненных территорий отнюдь не панацея, ее авторы распространяют статус «категории Б» на население районов, где дополнительное облучение человека не превышает 35 бэр за всю жизнь с учетом уже имеющейся дозы. Правда, не вполне ясно, как в этом случае работает «закон больших чисел», который можно сформулировать так: вероятность проявления радиационных эффектов тем выше, чем больше людей подвергается облучению хотя бы в малых дозах. Но мне приходилось беседовать со специалистами, которые аргументировали и ответственно заявляли, что предел дозы можно даже высчитать.

Отнесение населения какого-либо района к «категории Б» требует больших